
Жорди Морильяс

**УТВЕРЖДЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ ВОЛИ К ЖИЗНИ
У РАСКОЛЬНИКОВА.
А. ШОПЕНГАУЭР И Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ¹**

1. Вступление

В исследовании творчества Ф.М. Достоевского издавна существует философское направление, начало которому положили Георг Брандес², Дмитрий Мережковский³, Лев Шестов⁴, Николай Бердяев⁵, Аарон Штейнберг⁶, Ганс Прагер⁷, Борис Энгельгардт⁸, Артур Меллер ван ден Брук⁹, Александр Ладыженский¹⁰ и Рейнхардт Лаут¹¹, и которое продолжили Валерий Кирпотин¹², Вольфганг Мюллер-Лаутер¹³, Адель Иванова¹⁴, Вадим Белопольский¹⁵, Николас Милошевич¹⁶, Пьер Лэмбл¹⁷, Джеймс Сканлан¹⁸, Татьяна Касаткина¹⁹, Виктор Дудкин²⁰ и Владимир Кантор²¹.

В этом контексте мы предлагаем философское исследование одного из так называемых «идеологических романов»²² Ф.М. Достоевского, а именно «Преступления и наказания», исходя из учения А. Шопенгауэра. Проблематика «Преступления и наказания» — это нигилизм в молодом русском поколении. По отношению к проблеме нигилизма Достоевский показывает, что есть не одно, а *два* решения: либо восстановить христианскую метафизику, либо уничтожить христианство и создать новые ценности. Это была бы задача «сверхчеловека» — переоценка христианских ценностей, являющихся, по философии Ницше, врагами здоровой жизни. Эта переоценка ценностей (*Umwerthung aller Werthe*) должна бы привести

к возврату нехристианской, т.е. языческой оценки человеческого существования²³.

«Преступление и наказание» было написано в 1866 году, через двенадцать лет после освобождения Достоевского из сибирской каторги. Находясь на каторге за революционную деятельность против царского режима (кружок М.В. Буташевича-Петрашевского), Достоевский выработал внутренне «новые» убеждения. Это «новое» социально-политическое и религиозное мышление Достоевского явилось, однако, не расколом с «докаторжным» Достоевским, но осознанием заблуждений прежней веры и возвращением к вере родителей. Достоевский понял, что европейский социализм не является верным путем для того, чтобы покончить с несправедливостью в России²⁴, понял опасные последствия, которые европейская социалистическая революция могла бы иметь на его родине и которые нашли свое выражение в нигилизме 60-х годов.

Нигилизм для Достоевского — это наивысшая «опасность из всех опасностей». Эта опасность исходит из современной, цивилизованной, образованной и рациональной Европы. Нигилизм воздействует не только на экономический (капитализм), социально-политический (социализм, демократия), моральный (этическая распущенность), но и на метафизический (атеизм) уровни жизни²⁵. Против этой «болезни» Достоевский после каторги борется постоянно и упорно. Достаточно назвать самые известные его произведения: «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы» или «Братья Карамазовы»²⁶.

Достоевский открывает в «Преступлении и наказании» то, на чем Ницше спустя несколько лет построит свою теорию: нигилизм можно преодолеть без возвращения к христианской метафизике. Воплощение этой возможности — Раскольников. Борьбу против такой «ереси» Достоевский ведет на основе православной христианской веры и любви. Мы проанализируем эту проблему не с христианской или с ницшеанской точки зрения, а с помощью философии Шопенгауэра.

Влияние А. Шопенгауэра на Достоевского уже было изучено исследователями²⁷. Возможно, Достоевский не читал ни одного произведения Шопенгауэра²⁸, но он, безусловно, имел представление о нем благодаря книгам В. Соловьева²⁹ и А. Гусева³⁰, а также полемике о философии Шопенгауэра, которая велась в 60-х годах в журналах³¹. Для Достоевского и его русских современников была

важна не проблема познания (гносеология), а этика и антропология Шопенгауэра, его учение о страдании и сострадании³².

В четвертой книге своего главного произведения «Мир как воля и представление»³³ Шопенгауэр анализирует последствия утверждения воли к жизни. Его этическое и антропологическое учение состоит в отрицании той воли к жизни, которое достигается через любовь, то есть через сострадание и *caritas*. Шопенгауэр пишет, что *l'homme est l'animal méchant par excellence* (человек есть по преимуществу злобное животное. — *ред.*)³⁴ — человек с отчаянием борется за сохранение своего существования. Беспощадная война, «*bellum omnium contra omnes* <война всех против всех>, которую прекрасно изобразил Гоббс в первой главе «О гражданине»³⁵, не знает никаких законов, кроме понимания «под добром <...> того, что <...> для нас полезно» и «под злом же — того, что <...> препятствует нам обладать каким-либо добром»³⁶. Здесь выигрывают и господствуют над другими только те, которые ведомы своей волей к жизни³⁷. Это несет остальным страдание и боль, горе и несправедливость.

Жестокостью реальности Шопенгауэр противопоставляет *отрицание воли* как первый шаг к настоящей справедливости, к радости, которая реализуется, если индивид — *чистое желание, чистая воля к жизни* — поймет, что навредить другим означает навредить себе, и что человек должен сострадать другим. Так провозглашается основной принцип индуизма, распространявшийся «философом из Данцига» в Европе: *tat twam asi!* (*то ты еси!* — фраза из Веданты, означающая: в тебе (Другом) есть Бесконечное, Бог. — *ред.*).

Шопенгауэр, как истинный философ, был знатоком людей (*Menschenkenner*), психологом, который пытался описывать жизнь с предельной честностью³⁸. Его сочинения могут быть ключом к пониманию психологии героев Достоевского³⁹.

2. Утверждение воли. Борьба за власть

Раскольников представлен в «Преступлении и наказании» как молодой студент университета в Санкт-Петербурге. В одиночестве и бедности⁴⁰, он разрабатывает свою «идею», хотя это не означает, что Раскольников является обязательно «эвклидовым рационалистом», как утверждают некоторые исследователи⁴¹. Раскольникова нельзя понять, если исходить из того, «что сущность человека пола-

гали в душе, которая будто бы изначально есть *познающее*, вернее, абстрактно *мыслящее* существо и лишь вследствие этого *хотящее*; таким образом, природу воли считали производной, между тем как на самом деле таким производным моментом является познание»⁴².

Достоевский говорит очень ясно устами Свидригайлова, что «разум-то ведь страсти служит» (6; 215)⁴³. Единственная задача интеллекта — это представить себе все «за» и «против» того, к чему мы стремимся. Поэтому Раскольников может сказать: «Человек он умный, но чтоб умно поступать — одного ума мало» (6; 180)⁴⁴.

Многokrатно насмехается Раскольников над мышлением как таковым: «дай-ка, дескать, пойду и опробую, что мечтать-то!» (6; 58), «нет, лучше совсем ничего не думать!» (6; 60). Ибо он знает, что теоретический человек ничего не стоит и что необходимо *действовать*: «больше не думать, а действовать». И в антирационалистическом экстазе, который опровергает вышеназванное истолкование его сознания как «эвклидо-рационалистического», Раскольников злобно отмечает, что не все можно «наивно» вычислить:

«“И с чего взял я, — думал он, сходя под ворота, — с чего взял я, что ее непременно в эту минуту не будет дома? Почему, почему, почему я так наверно это решил?” . Он был раздавлен, даже как-то унижен. Ему хотелось смеяться над собою со злости... Тупая, зверская злоба закипела в нем» (6; 59).

Этой антирационалистической позицией Раскольников обязан особым качествам своего характера, своей личности, а не воздействию среды или состоянию крайней бедности, в которой он живет⁴⁵.

«Замечательно, что Раскольников, быв в университете, почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он как-то не принимал участия. Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил. Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя. Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее» (6; 43).

Друг Раскольникова, Разумихин, который, по мнению исследователей, являет собой *alter ego* брата автора, Михаила Достоевского, так описывает этого «необыкновенного человека»: «угрюм,

мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются. Ужасно иногда неразговорчив! Все ему некогда, все ему мешают, а сам лежит, ничего не делает. Не насмешлив, и не потому, чтоб остроты не хватало, а точно времени у него на такие пустяки не хватает. Не дослушивает, что говорят. Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без некоторого права на то. Ну, что еще?.. Мне кажется, ваш приезд будет иметь на него спасительнейшее влияние» (6; 165)⁴⁶.

Раскольников — это человек, преодолевший нигилизм. Он мог бы быть нигилистом и это было бы просто для него: быть разрушителем и эгоистом без совести и морали. Тем не менее⁴⁷, у Раскольникова есть мораль и ценности, которые для него выше, чем общепринятые⁴⁸. Поэтому он презирает нигилизм и борется против него, что, к примеру, можно видеть в его антипатии к Лужину, который хочет жениться на его сестре Дуне. Здесь появляются два аспекта: гордость этого необыкновенного человека, который не хочет никакой жалости и не принимает никакой жертвы, и антипатия к аморальному эгоисту Лужину.

Раскольников сразу выявляет лейтмотив действий Лужина: для него брак является только «коммерческой сделкой», он высчитал, что он может использовать бедность Дуни и ее матери, чтобы иметь над ними власть и третировать их как слуг. Мать Раскольникова описывает Лужина так: «В первый же свой визит он объявил нам, что он человек положительный, но во многом разделяет, как он сам выразился, “убеждения новейших поколений наших” и враг всех предрассудков» (6; 31)⁴⁹.

Лужин является нигилистом — он руководствуется только собственной выгодой⁵⁰. У него нет морали — он презирает традицию, не способен создать что-то новое. К таким нигилистам Раскольников относится предельно ясно: «за увлечение, конечно, их можно иногда бы посечь, чтобы напомнить им свое место, но не более» (6; 202). Если они не имеют достаточно силы, чтобы преодолеть нигилизм, то лучше, если они будут продолжать жить в соответствии с «моралью рабов».

Основная черта характера Раскольникова — сильная неприязнь и отвращение к другим, *мизантропия*, или, как Ницше говорит, *Pathos der Distanz*⁵¹: «Раскольников не привык к толпе и, как уже сказано, бежал всякого общества, особенно в последнее время» (6; 11). Достоевский так описывает его состояние: «Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более почти с каждой минутой: это было какое-то бесконечное, почти физическое отвращение ко всему встречавшемуся и окружающему, упорное, злобное, ненавистное. Ему гадки были все встречные, — гадки были их лица, походка, движения. Просто наплевал бы на кого-нибудь, укусил бы, кажется, если бы кто-нибудь с ним заговорил...» (6; 87)⁵².

И он чувствует даже большее отвращение, если кто-то хочет о нем побеспокоиться: «Несмотря на недавнее мгновенное желание хотя какого бы ни было сообщества с людьми, он при первом, действительно обращенном к нему слове вдруг ощутил свое обычное неприятное и раздражительное чувство отвращения ко всякому чужому лицу, касавшемуся или хотевшему только прикоснуться к его личности» (6; 13) <...> «Казалось, он улетал куда-то вверх, и все исчезало в глазах его...» (6; 90). Ненависть к состраданию является настоящим качеством этого человека⁵³. Примером этому служит, как раньше было отмечено, жертва его сестры.

После того, как Раскольников прочитал письмо, которое ему написала его мать, чтобы сообщить о планах свадьбы, «[его лицо] было бледно, искривлено судорогой, и тяжелая, желчная, злая улыбка змеилась по его губам» (6; 35), он полон гнева: «Не хочу я вашей жертвы, Дунечка, не хочу, мамаша! Не бывать тому, пока я жив, не бывать, не бывать! Не принимаю!» (6; 38).

Считая себя необыкновенной личностью, Раскольников не может выносить того, что кто-то жертвует собой ради его спасения. Это является непростительной низостью и унижением, которое причиняет боль гордому сердцу: «Лжет! — думал он про себя, кусая ногти со злости. — Гордячка! Сознаться не хочет, что хочется благодетельствовать! О, низкие характеры! Они и любят, точно ненавидят... О, как я... ненавижу их всех!» (6; 178).

Ибо он знает очень хорошо, что такое сострадание и жертвенность: «О, тут мы, при случае, и нравственное чувство наше придавим; свободу, спокойствие, даже совесть, все, все на толкучий рынок снесем. Пропадай жизнь! Только бы эти возлюбленные су-

щества наши были счастливы. Мало того, свою собственную казуистику выдумаем, у иезуитов научимся и на время, пожалуй, и себя самих успокоим, убедим себя, что так надо, действительно надо для доброй цели. Таковы-то мы и есть, и все ясно как день» (6; 37—38).

Когда же Раскольников осознает, что он проявляет такое же сострадание к сестре, то говорит любимой Дуне в припадке ярости: «Странно, — проговорил он медленно, как бы вдруг пораженный новою мыслию, — да из чего я так хлопочу? Из чего весь крик? Да выходи за кого хочешь!» (6; 179).

Раскольников отрицает сострадание не потому, что он чувствует отвращение к жизни, а наоборот — потому что он любит жить, потому что он любит *свою* жизнь, *свою* волю. Это принцип эгоизма. Шопенгауэр трактует подобный эгоизм как безграничный и не признающий никакой морали. «Все, что противодействует стремлениям его эгоизма, возбуждает его неудовольствие, гнев, ненависть: он видит здесь своего врага, которого надо уничтожить»⁵⁴.

Сострадание означает признание чужой боли (*syn-patheia* на греческом языке означает именно это), поэтому оно всегда направлено против эгоизма — это его противоположность, ибо только из сострадания «могут вытекать не-эгоистические поступки»⁵⁵. Шопенгауэр утверждает, что хотя сострадание — «бесспорный факт человеческого сознания» и «заложено в самой человеческой природе», есть люди, которые не знают сострадания: «их называют бесчеловечными, равным образом и слово “человечность” часто употребляется как синоним сострадания»⁵⁶. Раскольников — как бы такой «бесчеловечный», который говорит, как Ницше: «В чем сострадание мое? Разве оно не крест, к которому пригвозждают того, кто любит людей? Но мое сострадание — не распятие!»⁵⁷⁻⁵⁸.

То, насколько он ненавидит быть сострадательным в христианском смысле, можно увидеть в различных сценах произведения, из которых мы приведем две наиболее важные: сцена с девушкой, которую домогается вальяжный франт, и похороны пьяницы Мармеладова, отца Сони. После того как он освобождает девушку от преследователя и передает полицейскому, Раскольников внезапно обращается к тому: «— Оставьте! Чего вам? Бросьте! Пусть его позабавится (он указал на франта). Вам-то чего?» (6; 42).

Потом он неожиданно начинает размышлять так: «Двадцать копеек мои унес, — злобно проговорил Раскольников, оставшись

один. — Ну пусть и с того тоже возьмет да и отпустит с ним девочку, тем и кончится... И чего я ввязался тут помогать! Ну мне ль помогать? Имею ль я право помогать? Да пусть их переглодают друг друга живьем — мне-то чего? И как я смел отдать эти двадцать копеек. Разве они мои?» (6; 42).

Позднее он становится свидетелем несчастного случая с отцом Сони и, после того как помогает принести его домой и берет на себя затраты на похороны (6; 136—146), говорит Поленьке, младшей сестре Сони: «— Полечка, меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне: “и раба Родиона” — больше ничего» (6; 147).

А затем он подтверждает свою волю к жизни: «Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой! Царство ей Небесное и — довольно, матушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! — прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее <...> Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же, вот этого-то они и не знают <...> А раба-то Родиона попросил, однако, помянуть, — мелькнуло вдруг в его голове, — ну да это... на всякий случай!» (6; 147).

Чтобы понять мировоззрение Раскольниковова, необходимо обратить внимание на его статью «О преступлении»: «В бессонные ночи и в исступлении она замышлялась, с подыманием и стуканьем сердца, с энтузиазмом подавленным» (6; 345). Этот единственный теоретический текст Раскольниковова может быть использован для того, чтобы понять лейтмотив романа и образ героя, ибо все вращается вокруг этой статьи. Мы хотим представить ее главную идею подробно, так как она имеет для понимания романа решающее значение: «Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы⁵⁹, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего

для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители, или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительно и многообразны; большей частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, — смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, — это заметьте. <...> Масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда — господин настоящего, второй разряд — господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели» (6; 200—201).

Хотя мы не будем здесь анализировать доктрину Раскольникова⁶⁰, следует отметить, что в этом тексте можно найти основы того, что позже будет очень значимо в философии Ницше и что объясняет поведение Раскольникова, то есть идею сверхчеловека. Да, Раскольников — сверхчеловек⁶¹ и, следовательно, не нигилист, потому что, как Ницше метко пишет в своем труде «К генеалогии морали»: сверхчеловек является победителем Бога и Ничто, то есть победителем христианской морали и нигилизма, который является следствием христианства⁶². Теория Раскольникова, таким образом, «не только отрицание, разрушение старого, но и утверждение, созидание нового, связанное не с временными, изменяющимися условиями человеческих обществ, но с вечными, неизменными законами природы»⁶³. Согласно этой идее действует и готовится Раскольников к тому, чтобы узнать, является ли он необыкновенным человеком, является ли он человеком или вошью, то есть имеет ли он право на власть.

Раскольников понимает, что для того, чтобы утвердить свою волю к жизни, он должен уничтожить старуху, которая использует людскую бедность, особенно бедность молодых людей, для собственного обогащения⁶⁴. Здесь речь идет об утверждении воли к жизни по отношению к тому, кто ее запрещает, кто не позволяет ей действовать абсолютно свободно. Шопенгауэр объясняет: «Большинство людей всю жизнь гонит нужда, не давая им опомниться.

С другой стороны, воля часто разгорается до такой степени, которая далеко превышает утверждение тела и обнаруживается в бурных аффектах и могучих страстях: индивид не только утверждает тогда свое бытие, но и отрицает бытие других, стремясь устранить его там, где оно стоит на его пути»⁶⁵.

Или, как излагает Раскольников: «Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, регистраторша, которую вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом “вопросе” я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... <...> Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было!» (6; 319).

Все утверждение воли является актом, цель которого есть высвобождение потребностей человека, «это удовлетворение потребностей, не отделимых от существования тела в его здоровом состоянии, выражающихся уже в нем и сводимых к сохранению индивида и продолжению рода»⁶⁶. В данном случае речь идет у Раскольникова не о воспроизводстве, а о *самосохранении*. Шопенгауэр отмечает, что самое главное стремление во всех существах в природе — самосохранение.

Раскольников является, однако, предшественником не только Сверхчеловека, как указывают Шестов и Мережковский⁶⁷, но и ницшеанской доктрины воли к власти (*Der Wille zur Macht*)⁶⁸: «Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это!» (6; 153)⁶⁹.

Поэтому он «оправдывает» себя перед Соней, объясняя действительный мотив своего преступления так: «Видишь, я тогда все себя спрашивал: зачем я так глуп, что если другие глупы и коли я знаю уж наверно, что они глупы, то сам не хочу быть умнее? Потом я узнал, Соня, что если ждать, пока все станут умными, то слишком

уж долго будет... Потом я еще узнал, что никогда этого и не будет, что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить! Да, это так! Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит! <...> Я догадался тогда, Соня, — продолжал он восторженно, — что власть дается только тому, кто посмеет склониться и взять ее. Тут одно только, одно: стоит только посметь! У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывал! Никто! Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел осмелиться и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» (6; 320—321)⁷⁰.

В этом признании проявляется мятежная сторона натуры Раскольникова, направленная против общества. Он борется не только против бедности, но и против идеи просвещения человечества («что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить!») и равенства. Раскольников утверждает *hic et nunc* (здесь и сейчас. — *ред.*)⁷¹ свободу и власть для себя — остальное для него ничего не значит. Как отмечает Мережковский: «В Раскольникове крайнее развитие личности, одинокой, мятежной и восставшей против общества, достигло последней границы — той черты, за которою или гибель, или переход к другому мирозерцанию. Он дошел путем ожесточенного протеста до отрицания нравственных законов, до того, что, наконец, сверг с себя, как ненужное бремя, как предрассудок, все обязательства долга. Он “по совести позволил себе кровь”. На людей смотрит он даже не как на рабов, а как на гадких насекомых, которых следует раздавить, если они мешают герою. На этой ледяной теоретической высоте, в этом одиночестве, кончается всякая жизнь»⁷².

Эта «высота» человека является, однако, не той «высотой», которую Достоевский считал присущей христианским людям и которая победила бы нигилизм, а той «высотой», которая разрушает и убивает принцип Бога и человека как образа и подобия Божия. Поэтому Раскольников должен быть побежден.

3. Отрицание воли. Сострадание и *agape*

Раскольников «унижает себя», отказываясь от теории, потому что он приходит к отрицанию своей воли к жизни из-за любви к Соне. Большинство экзегетов указывали на то, что Соня — христологический герой⁷³. Как князь Мышкин в «Идиоте», так и Соня являет высшие христианские ценности: сострадание, милосердие, жертвенность, благочестие и любовь. Соня — самая важная героиня романа.

Несчастливая дочь пьяницы Мармеладова, по настоянию мачехи Катерины Ивановны и из-за бедности и убожества жизни вынуждена заниматься проституцией. Соня жертвует собой из-за любви к своей семье. «Ибо для того, кто совершает подвиги любви, пелена Майи стала прозрачной, и мираж *principii individuationis* (принципа индивидуации. — *ред.*) рассеялся перед ним. В каждом существе, в страждущем он узнает себя, свою личность, свою волю»⁷⁴, так как «несчастье есть условие сострадания, а сострадание — источник человеколюбия». Шопенгауэр различает в этом контексте три мотива человеческой деятельности:

- эгоизм (Раскольников)
- злоба (Свидригайлов)
- сострадание (Соня)⁷⁵.

Хотя существуют различные формы сострадания⁷⁶, та, которую являет Соня, это — делать все возможное, чтобы облегчить бесчисленные и многообразные страдания ближних⁷⁷. И перед этой женщиной, символом страдания и боли, Раскольников поклонится: «Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился» (6; 246). Но Раскольников еще не способен понять «доброту сердца» Сони, которая «состоит в глубоко чувствуемом, универсальном сострадании ко всему, что живет, прежде же всего — к человеку»⁷⁸. Тем не менее, он знает, что она должна быть «избранной», чтобы он мог рассказать ей о своем страшном деле, и поэтому он ей говорит: «Ты, только ты! Я выбрал тебя!» (6; 253), потому что «ты тоже переступила... смогла переступить. Ты на себя руки наложила, ты загубила жизнь... *свою* (это все равно!)» (6; 252)⁷⁹.

Раскольников чувствует, что он не в состоянии выдержать последствия совершенного им («Нет, лучше и не думая, и с плеч долой!» — 6; 82): из-за личной слабости, из-за не желаемой им гибели

ли Лизаветы и из-за Сони. Примеры того, что Раскольников не является новым человеком, сверхчеловеком, что он боится утвердить свою волю к жизни и к власти над другими, мы находим уже тогда, когда он идет делать пробу перед убийством (6; 5—11) и когда он видит сон о забитой лошаденке (6; 46—49).

Во время преступления им овладевает слабость: «Ему вдруг опять захотелось бросить все и уйти. Но это было только мгновение; уходить было поздно. Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову» (6; 63). Но Раскольников совершает преступление, и все приступы страха и «христианской слабости» оставляет в стороне — кажется, что он *преодолевает* их. Он рассчитывает, что после утверждения своей воли к жизни по отношению к старухе, которая была для него препятствием, он сможет начать новую жизнь: «Я сам измучил и истерзал себя, и сам не знаю, что делаю... И вчера, и третьего дня, и все это время терзал себя... Выздоровлю и... не буду терзать себя...» (6; 87).

И несмотря на это, Соня понимает, что «он ужасно, бесконечно несчастен» (6; 252), что единственным выходом из его положения являются самоуничужение и страдание, иначе говоря, что Раскольников спасет себя только *через* страдание: «Что делать! <...> Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: “Я убил!”. Тогда Бог опять тебе жизни пошлет. Пойдешь? Пойдешь?» (6; 322).

Но Раскольников не пойдет, хотя он потрясен: «Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягчило ее. Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах» (6; 316). То, что он плачет, очень важно в процессе спасения Раскольникова, так как плач — «это — *со-страдание к самому себе*, или сострадание, возвращенное к своему исходному пункту»⁸⁰.

Но он все еще сопротивляется и не уступает состраданию: «В чем я виноват перед ними?» (6; 323), — спрашивает он Соню, в то же время пытаясь вновь утвердить свою гордость и свое презрение к другим: «Я, может, на себя *еще* наклепал, — мрачно заметил он, как бы в задумчивости, — может, я *еще* человек, а не вошь и поторопился себя осудить... Я *еще* поборюсь. Надменная усмешка выдавливалась на губах его» (6; 323). Он хочет бороться: «Нет, уж луч-

ше бы какая борьба! <...> Поскорей бы опять какой-нибудь вызов, чье-нибудь нападение... Да! да!» (6; 337).

Но это быстро проходит. Он смог победить Свидригайлова, педофила, который также перешел границу, но не устоял перед своей испорченностью⁸¹, однако не может противостоять Порфирию, русскому Шерлоку Холмсу. Раскольников признает, наконец, перед ним свое поражение, признает, что он больше не «верит в свою теорию» и что пришло время ответить за свои действия. Он уже не чувствует себя достаточно сильным, чтобы деспотично — в этимологическом смысле этого слова — подтвердить свою волю к жизни («О, как ему все это надоело!» — 6; 354).

Новые *чувства* овладевают им: сострадание и боль. Теперь он начинает себя ощущать униженным. «Он, кажется, вообразил себе, что и он гениальный человек, — то есть был в том некоторое время уверен. Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть человек не гениальный. Ну, а уж это для молодого человека с самолюбием и унижительно, в наш век-то особенно...», — объясняет это состояние Раскольникова Дуне Свидригайлов (6; 378).

Раскольников чувствует, что он потерян для самого сильного из всех чувств: любви, не в эгоистическом смысле (*eros*), а любви-состраданию (*agape*), любви к Богу и к ближнему. И он это хорошо знает: «Но зачем же они сами меня так любят, если я не стою того! О, если б я был один и никто не любил меня, и сам бы я никого никогда не любил! *Не было бы всего этого!* <...> О, как я их всех ненавижу!» (6; 401). Ибо, как говорит Шопенгауэр: «Всякая любовь (*agape, caritas*) — это сострадание»⁸².

Итак, он идет к Соне, как она сама предсказала⁸³, идет, чтобы спасти себя: «Свинство — этакое состояние! Эх, до чего я дошел! Ну, что же, где кресты?» (6; 401). В то же время, надев крест, Раскольников признает свою глубокую слабость и несостоятельность («О, как низко упал я!» — 6; 404), опять чувствует злость к людям на улице. Но вдруг: «он вспомнил слова Сони: «Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: “Я убийца!”». Он весь задрожал, припомнив это <...> Он стал на колени среди площади, поклонился до земли и поцеловал эту грязную землю, с наслаждением и счастьем. Он встал и поклонился в другой раз» (6; 405).

Раскольников *совершил* покаяние перед миром. Ниже он не может «упасть» и в сопровождении Сони (6; 408—410) учиняет явку с повинной. Так он начинает свой путь к освобождению, через страдание, исполняя советы Порфирия, который сказал, что ему «пострадать надо» (6; 348), что страдание является чем-то большим, что в страдании есть идея. Но после того, как он был сослан в Сибирь, на каторгу, его отношение к людям не меняется, он не потерял свое *Pathos der Distanz* (дух отчуждения. — *ред.*): «что он всех чуждается, что в остроге каторжные его не полюбили; что он молчит по целым дням и становится очень бледен <...> его гордость сильно была уязвлена; он и заболел от уязвленной гордости. О, как бы счастлив он был, если бы мог сам обвинить себя! Он бы снес тогда все, даже стыд и позор. Но он строго судил себя, и ожесточенная совесть его не нашла никакой особенно ужасной вины в его прошедшем, кроме разве простого *промаху*, который со всяким мог случиться. Он стыдился именно того, что он, Раскольников, погиб так слепо, безнадежно, глухо и глупо, по какому-то приговору слепой судьбы, и должен смириться и покориться пред «бессмыслицей» какого-то приговора, если хочет сколько-нибудь успокоить себя. <...> Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть⁸⁴ <...> Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, он и они были разных наций. Он и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно» (6; 418)⁸⁵.

Это происходит оттого, что он, в соответствии со своей идеей, со своей натурой и своим, как определил Мережковский, аристократическим мировоззрением «не раскаивался в своем преступлении» (6; 417), потому что оно основано на теории, на «чисто теоретической и бескорыстной идее». Он убил не личность, а *принцип*, «и его преступление настолько глубже, сложнее и непоправимее обыкновенного, эгоистического нарушения закона, например, грабежа, что о последнем он мечтает как о счастье»⁸⁶. Именно в этом состоит, по Достоевскому, трагедия Раскольникова: «Что значит слово “злодеяние”? Совесть моя спокойна⁸⁷. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольны! Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее за-

хватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги, и потому *они правы*, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг.

Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною» (6; 417)⁸⁸.

Раскольников еще не знает, что может спастись не иначе, как оправдав себя не только в социальной, моральной, философской, но и в религиозной сфере. Это основной вопрос, которого он еще не может понять, — его вера в идею ослепила его, так что он еще пытается найти свое оправдание в теории сверхчеловека. Поэтому он хочет жить дальше — его смерть символизирует конец мира. «Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его?» (6; 418), — спрашивает себя Раскольников, который еще не понимает, что «это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь» (6; 418). Он постигнет это позднее, когда поймет, с помощью Сони⁸⁹, «что он любит, бесконечно любит ее и что настала же, наконец, эта минута...» (6; 421). Он переродился благодаря любви. «Любовь, источником и сущностью которой мы считаем постижение *principii individuationis*, ведет к освобождению, т. е. к полному отречению от воли к жизни, от всякого желания»⁹⁰.

«Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое» (6; 422). Он берет Евангелие как знак *полного возрождения в новой жизни*⁹¹. Но почему Евангелие? Что значит эта Книга? Евангелие является Книгой любви, *агаре*, в которой рассказывается про высшую сущность Иисуса Христа, чья жертва С собой ради всех есть символ бескрайней любви, бесконечной любви к ближнему, *caritas*. Раскольников, следовательно, отрицает свою волю к жизни, возвращаясь в лоно христианства, «этого ставшего религией *отрицания воли к жизни!*»⁹², и при том поняв, что каждый человек имеет право на жизнь и что там, где есть боль, это боль также и наша, ибо *tat twam asi*.

Раскольников не изменил, а *отменил* свою прежнюю сущность. Для него кончился прежний мир. «Здесь кончается не просто явление, <...> но уничтожается самая сущность, которая еще влачила существование только в явлении и посредством него: теперь смерть разрывает и эту последнюю хрупкую связь. Для того, кто

кончает таким образом, одновременно кончается и мир»⁹³. Перед тобой — только Небытие. «То, что остается после окончательного упразднения воли для всех тех, кто еще исполнен воли, есть, конечно, ничто. Но и наоборот: для того, в ком воля обратилась и отринула себя, этот наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями — ничто»⁹⁴.

В любом случае, Раскольников является, даже будучи недостаточно сильным («Нет, на таких людях (т.е. на необыкновенных людях. — Ж.М.), видно, не тело, а бронза!» — б; 211), *утренней зарей, предшественником* идеи сверхчеловека, законодателя, победителя нигилизма, которого Ницше будет описывать близко, *слишком* близко к образу Раскольникова, обозначая таких людей как *Властителей земли*. Против них боролись как Достоевский, так и Шопенгауэр, ибо утверждение воли к жизни ведет людей не к радости, как верил Ницше, но к деспотии, к несправедливости и к страданию.

4. Заключение

Описание преступления Раскольникова является примером того, что Шопенгауэр представил в четвертой книге своего главного труда. В «Преступлении и наказании» речь идет о муках человека, который хочет утвердить свою волю к жизни, чтобы получить право на существование, не думая о последствиях. Утверждение воли является в этом контексте утверждением эгоизма и несправедливости, которое ведет человека к отчуждению от общества и от радости в этом мире. Отрицание воли, напротив, ведет к любви к своему ближнему, ибо не позволяет рассматривать других как рабов. Это христианское продолжение философии Шопенгауэра⁹⁵ («*благодать, отрицание воли, спасение*»⁹⁶) является идеей Достоевского в его первом большом романе. Впечатления и переживания на каторге показали ему, что все люди являются братьями, что нигилизм должен быть преодолен с помощью христианской метафизики, а не антихристианской теории, делящей людей на «необыкновенных» и «обыкновенных» и не знающей любви к людям и к Богу.

Раскольников считал, что отрицание воли связано со «слабостью». «Слабость» это, однако, только для того, кто рассматривает

жизнь с точки зрения деспотичного утверждения воли к власти, как герой Достоевского. Ибо, как отмечает Пауль Дойссен: «Утверждение — это слабость, которая является боязливым пристрастием к собственному “я” и его интересам. Что выходит при этом для меня? — спрашивает себя утверждающий, и это боязливое отношение удерживает его от использования всей мощи своей личности, от того, чтобы преследовать какую-либо большую цель объективной преданностью <...> В действительности отрицание воли к жизни — это нечто весьма позитивное, источник всей бескорыстной справедливости, человеческой любви и преданности великим целям, всего большего, героического, индивидуального стремления и творчества; а утверждение выражается в чувственности, в снисходительности, в страхе и в мелком беспокойстве о собственных интересах человека»⁹⁷.

В нашем мире, считают Достоевский и Шопенгауэр, где существуют страдание, боль и унижения, человек будет счастлив не тогда, когда он утверждает свою волю к жизни через насилие над другими, а только тогда, когда отрицает свою волю к жизни и проявляет сострадание. Поэтому главный образ Достоевского и Шопенгауэра — не Сверхчеловек (Раскольников, язычник), а Отшельник (старец Зосима, христианин), святой человек, человек, который любит и хвалит Бога и человечество⁹⁸.

Примечания

Список условных сокращений:

WWV — Die Welt als Wille und Vorstellung (труд А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление»)

KGW — Werke. Kritische Gesamtausgabe (Сочинения Ф. Ницше)

KSA — Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe (Сочинения Ф. Ницше)

NF — Nachgelassene Fragmente («Посмертные фрагменты» Ф. Ницше)

AK — Akademieausgabe von Immanuel Kants Schriften (Академическое издание сочинений Канта)

a.a.O. — там же.

¹ Эта статья является доработанным вариантом исследования, опубликованного на немецком языке: *Bejahung und Verneinung des Willens zum Leben bei Raskolnikow: Schopenhauer und Dostojewskij // Jahrbuch der Deutschen Dostojewskij-Gesellschaft. — № 13 (2006). — S. 27–46.*

² См.: **Brandes G.** Fjodor Dostojevski (1888) // **Brandes G.**: Udvalgte skrifter. Unter redaktion af Sven Møller Kristensen. — Bind: Russisk og tysk litteratur. — Copenhagen, 1986. — № 6. — S. 29—55 и **Brandes G.** Aristokratisk radikalisme: en afhandling om Friedrich Nietzsche // Tilskueren. — 1889. — № 6. — S. 565—613 (позже: En afhandling om aristokratisk radikalisme // **Brandes G.**: Essays: fremmede personligheder. — Copenhagen, 1889. — S. 151—244).

³ См. особенно его книги «Вечные спутники» (СПб., 1897) и «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество» (СПб., 1900—1902).

⁴ **Шестов Л.** Достоевский и Ницше: философия трагедии. — СПб., 1903.

⁵ **Бердяев Н.** Миросозерцание Достоевского. — Прага, 1923.

⁶ **Штейнберг А.З.** Достоевский как философ (Предисловие к публикации Белоуса В.Г.) // Вопросы философии. — 1994. — № 9. — С. 184—190. См. также его монографию «Система свободы Достоевского» (Берлин, 1923), выросшую из доклада, прочитанного в Вольфиле.

⁷ **Prager H.** Die Weltanschauung Dostojewskijs, mit einem Vorwort von Stefan Zweig. — Hildesheim, 1925. См. также **Natorp P.** Dostojewskijs Bedeutung für die gegenwärtige Kulturkrise. — Jena, 1924.

⁸ **Энгельгардт Б.М.** Идеологический роман Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. II, под ред. А.С. Долинина. — М.—Л., 1924. — С. 71—109.

⁹ См. его вступительные статьи к Собранию сочинений Ф.М. Достоевского в издательстве Piper-Verlag (1906—1919).

¹⁰ **Prof. Ladyzenskij:** Dostoevskij als Philosoph // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. — NF. 4 (1928). — S. 1—20.

¹¹ **Lauth R.** «Ich habe die Wahrheit gesehen». Die Philosophie Dostojewskijs: in systematischer Darstellung. — München, 1950 и Dostojewskij und sein Jahrhundert. Mit einer Einl. von Hans Rothe. — Bonn, 1986.

¹² **Кирпотин В.Я.** Достоевский в шестидесятые годы. — М., 1966.

¹³ **Müller-Lauter W.** Dostoevskijs Ideendialektik. — Berlin—New York, 1974.

¹⁴ **Иванова А.А.** Философские открытия Ф.М. Достоевского. — М., 1995.

¹⁵ **Белопольский В.Н.** Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека. — Ростов-на-Дону, 1987; **он же.** Достоевский и философия. Связи и параллели. — Ростов-на-Дону, 1998.

¹⁶ **Milosevitch N.** Dostoïevski penseur / Traduit du serbo-croate par Laurence Koltirine et Zorica Hadji-Vidoïkovitch. — Lausanne, 1988.

¹⁷ **Lamblé P.** Les fondements du système philosophique de Dostoïevski (La philosophie de Dostoïevski, tome 1). — Paris, 2001 и La métaphysique de l'Histoire de Dostoïevski (La philosophie de Dostoïevski, tome 2). — Paris, 2001.

¹⁸ **Scanlan J.P.** Dostoevsky the thinker. — Ithaca, New York, 2002.

¹⁹ См., напр.: **Касаткина Т.А.** Характерология Достоевского. — М., 1996.

²⁰ См., напр.: **Дудкин В.В.** Достоевский — Ницше (Проблема человека). — Петрозаводск, 1994.

²¹ См., напр., его статью «Достоевский, Ницше и кризис христианства в Европе конца XIX — начала XX века» // Dostoevsky Studies. New Series. —

2004. — VIII. — P. 17—37 (теперь в его кн.: Соседи. Авторский сборник. — М., 2008. — С. 216—244).

²² См.: **Энгельгардт Б.М.** Идеологический роман Достоевского.

²³ См.: **Шестов Л.** Достоевский и Ницше: философия трагедии.

²⁴ Хотя Достоевский был какое-то время утопическим социалистом, он никогда не переставал верить в Бога. См.: Петрашевцы в воспоминаниях современников. Сборник материалов / Сост. П.Е. Щеголев. — М.—Л., 1926; Дело петрашевцев. — Т. 1—3. — М.—Л., 1937—1951 и **Бельчиков Н.Ф.** Достоевский в процессе петрашевцев. — М., 1971.

²⁵ Как хорошо объясняет В. Нигг: «Нигилизм — это не только вопрос, который можно обсуждать остроумно в кафе. Он вмешивается гораздо более реально в существование и имеет практические последствия <...> нигилизм был для него (для Достоевского. — Ж.М.) не только мыслительной проблемой, которую можно было обсуждать “за” и “против”. Для него нигилизм — современное антихристианство с точки зрения вечности, которое минует основы человеческого порядка» (**Nigg W.** *Prophetische Denker. «Löscht den Geist nicht aus».* — Rottweil, 1986. — S. 366 и 375).

²⁶ См.: **Moser Ch.A.** Antinihilism in the Russian Novel of the 1860's. — The Hague, 1964.

²⁷ См.: **Белопольский В.Н.** Указ. сочинения.

²⁸ См.: **Mclaughlin S.** Schopenhauer in Russland. Zur literarischen Rezeption bei Turgeniev. — Wiesbaden, 1984.

²⁹ В его личной библиотеке находятся: **Соловьев Вл.С.** Кризис западной философии. Против позитивистов. — М., 1874 и Критика отвлеченных начал. — М., 1880 (Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание // Отв. ред. Н.Ф. Буданова. — СПб., 2005).

³⁰ **Гусев А.Ф.** Нравственный идеал буддизма в его отношении к христианству. — СПб., 1874.

³¹ **Зайцев В.** Последний философ-идеалист: Артур Шопенгауэр // Русское слово. — 1864. — № 12. — С. 153—196; **Зайцев В.** Несколько слов г. Антоновичу // Русское слово. — 1865. — № 2. — С. 303—306; **Антонович М.** Промахи // Современник. — 1865. — № 2. — С. 431—448.

³² «Вопрос о страдании и сострадании, их роли в жизни человека глубоко волновал Достоевского и как художника, и как мыслителя» (**Белопольский В.Н.** Достоевский и философия. Связи и параллели. — С. 67).

³³ Мы цитируем произведение по русскому переводу: **Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление. Перевод Ю.И. Айхенвальда под ред. Ю.Н. Попова. Примеч. А.Л. Чанышева // **Шопенгауэр А.** Собр. соч. в 5 т. — Том I. — М., 1992, а также даем ссылки на немецкое критическое издание: **Schopenhauer A.** *Sämtliche Werke. Nach der ersten, von Julius Frauenstädt besorgten Gesamtausgabe neu bearbeitet und herausgegeben von Arthur Hübscher, vierte Auflage, durchgesehen von Angelika Hübscher.* F.A. Brockhaus. — Mannheim, 1988. Die Welt als Wille und Vorstellung <WWV I> в Bd. 2 и Ergänzungen <WWV II> в Bd. 3.

³⁴ См. *Parerga und Paralipomena* <PP>, II, Kap. 8, «Zur Ethik», § 114. Hübscher-Ausgabe. — Bd. 6. — S. 235.

³⁵ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 61. — S. 393.

³⁶ **Spinoza B.** *Ethica.* — IV. — Def. I—II. См. также **Kant I.** *Kritik der praktischen Vernunft*, 1. — Teil. 2. — Buch. 2. Hauptstück «Von dem Begriffe eines Gegenstandes der reinen praktischen Vernunft». — *AK V.* — S. 57—71.

³⁷ См. **Schopenhauer A.** *WWV I.* — §§ 56 и 57. — S. 403—415.

³⁸ «Философия не может делать ничего иного, кроме как уяснять и истолковывать существующее и возводить сущность мира, которая *in concreto*, т.е. в виде чувств, понятна каждому, до отчетливого, абстрактного познания разума; но решать эту задачу она должна во всех возможных отношениях и со всех точек зрения» (**Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 53. — S. 453. См. также: *Der handschriftliche Nachlaß.* — Band IV. 1. — § 135. — S. 133). Мережковский пишет: «Это <Достоевский> — человек, только что вышедший из жизни, только что страдавший и плакавший. Слезы еще не высохли у него на глазах, они чувствуются в голосе; рука еще дрожит от волнения. Книг Достоевского нельзя читать: их надо пережить, выстрадать, чтобы понять. И потом они уже не забываются» (**Мережковский Д.** *Вечные спутники // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники.* — М., 1995. — С. 453).

³⁹ «Что все романы, если не панорама, где можно увидеть спазмы и конвульсии мучительного человеческого сердца?», — сказал Шопенгауэр (*Der handschriftliche Nachlaß.* — Hrsg. von A. Hübscher, Band III. — Frankfurt am Main, 1974. — § 116. — S. 242).

⁴⁰ «Какая у тебя дурная квартира, Родя, точно гроб, — сказала вдруг Пульхерия Александровна, прерывая тягостное молчание, — я уверена, что ты наполовину от квартиры стал такой меланхолик» (6; 178). Сам Раскольников признает, что «низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!».

⁴¹ Как, например, среди других, Янко Лаврин, который пишет об «“эвклидовом” интеллекте Раскольниковова» / Fjodor M. Dostojewskij mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten, aus dem Englischen übertragen von Rolf-Dietrich Keil. — Hamburg, 1963. — S. 92.

⁴² **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 55. — S. 345.

⁴³ Шопенгауэр говорит: «Воля — это нечто первое и основное, познание же просто привходит в явление воли и служит его орудием» (*WWV I.* — § 55. — S. 345).

⁴⁴ Поэтому мнение о нем Порфирия: «человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи» (6; 263), неверно.

⁴⁵ Как утверждает Писарев в своей статье «Борьба за жизнь. “Преступление и наказание” Ф.М. Достоевского. Две части. 1867 г.» // **Писарев Д.И.:** *Сочинения.* — Статьи 1865—1868. — Том 4. — М., 1956. — С. 316—369.

⁴⁶ Мать Раскольниковова описывает так своего сына: «Его характеру я никогда не могла довериться, даже когда ему было только пятнадцать лет.

Я уверена, что он и теперь вдруг что-нибудь может сделать с собой такое, чего ни один человек никогда и не подумает сделать...» (6; 166).

⁴⁷ Возражая мнению таких экзегетов, как, например, Н. Бердяев, В. Нигг или Я. Лаврин, Ж. Франк пишет: «Раскольников — истинный ниггист». См. **Frank J.** *The World of Raskolnikov* // *Encounter* 26. — June 1966. — № 6. — P. 30—35.

⁴⁸ Он понял то, о чем Ф. Ницше в «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» говорит: нет одной, а есть две морали, т.е. мораль рабов и мораль господ (§ 260).

⁴⁹ См. также сцену, в которой наконец Дуня открывает, что за человек перед ней стоит:

«— Петр Петрович, подите вон! — обратилась она к нему, побледнев от гнева <...>.

— Авдотья Романовна, если я выйду теперь в эту дверь, при таком напутствии, то — рассчитайте это — я уж не ворочусь никогда. Обдумайте хорошенько! Мое слово твердо.

— Что за наглость! — вскричала Дуня, быстро подымаясь с места, — да я и не хочу, чтобы вы возвращались назад!» (6; 233).

⁵⁰ «Достоевский использует Лужина как представителя “философии эпохи” — философии “целого пальто”, крайнего утилитаризма и полного оправдания существующего общественного порядка» (**Chirkov N.M.** *A great philosophical Novel // Twentieth Century Interpretations of Crime and Punishment*. Edited by R.L. Jackson. — New Jersey, 1974. — P. 50).

⁵¹ См. **Nietzsche F.** *L'Anticrist*. / Ed. Antonio Morillas. — *Llibres de l'Index* — Barcelona, 2004. — № 294. — P. 261—262.

⁵² «На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшиеся, несмотря на будущее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека» (6; 6). Здесь мы можем увидеть в Раскольникове образ Наполеона, как говорит Мережковский, так определяя противоречия в мировосприятии Раскольникова: «Братство и равенство — глубочайшее омерзение; свобода — глубочайшее отвержение, уединение». См. **Мережковский Д.** *Л. Толстой и Достоевский // Мережковский Д.: Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*. — С. 188.

⁵³ Точнее сказать: ненависть к *христианскому* состраданию. Раскольников и сам может проявлять сострадание, но не по христианским заповедям, а из-за *великодушия*, как Ницше сказал бы в «Так говорил Заратустра». См. также: 6; 412.

⁵⁴ **Шопенгауэр А.** «Конкурсное сочинение об основе морали», не увенчанное Датской Королевской Академией Наук, в Копенгагене, 30 января

1840 г. Девиз: Проповедовать мораль легко, трудно обосновать мораль. Воля в природе (**Schopenhauer A.** Preisschrift über das Fundament der Moral. — а.а.О. — § 14. — S. 196). Здесь важную роль играет книга М. Штирнера «Единственный и его собственность». См.: **Белопольский В.Н.** Достоевский и философия. Связи и параллели. — С. 31—42.

⁵⁵ **Schopenhauer A.** Preisschrift über das Fundament der Moral // а.а.О. — § 19. — S. 245.

⁵⁶ **Schopenhauer A.** Preisschrift über das Fundament der Moral // а.а.О. — § 17. — S. 213.

⁵⁷ **Ницше Ф.** Предисловие Заратустры, § 3 (*KSA IV*) // **Ницше Ф.** Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. Перевод В.В. Рынкевича под ред. И.В. Розовой. — М., 1990. — С. 5.

⁵⁸ Это не значит, что Раскольников вообще не способен чувствовать страдание, чужую боль и несправедливость в мире, напротив, как хорошо он говорит в очень важной сцене романа: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» (6; 203). В этом смысле Раскольников — «мученик», а можно даже сказать, что он больший мученик, чем князь Мышкин или старец Зосима, ибо, в отличие от них, он понимает сущность мира, т.е. боль и страдание, но, вместо отрицания, он их *трагически* утверждает.

⁵⁹ Шопенгауэр пишет в 1830 г.: «Природа является более *аристократической*, чем все известные иерархии на Земле: таких, как ранг и богатство в Европе, или касты в Индии, в сфере морали и интеллекта в природе, как и в других аристократиях, неизменно приходится по десять тысяч плебеев на одно знатное лицо, и миллион на князя, и большое количество в каждой области plebs, mob rabble, la canaille» (плебса, толпы нищих, каналий. — *ред.*). **Schopenhauer A.** Der handschriftliche Nachlaß. — Band IV. — 1. — § 5. — S. 2. См. также: **Мережковский Д.** Вечные спутники. — С. 458—459.

⁶⁰ См.: **Morillas J.** Über das Verbrechen: Raskolnikows philosophische Lehre // Dostoevsky Studies. New Series. — 2008. — № 12. — P. 123—137.

⁶¹ См.: **Шестов Л.** Достоевский и Ницше. Философия трагедии; **Berg L.** Der Übermensch in der modernen Literatur. — Leipzig, 1897.

⁶² См.: **Ницше Ф.** К генеалогии морали. Полемическое сочинение. — II. — § 24 (*KSA V*). — S. 335: «Этот человек будущего, который избавит нас как от прежнего идеала, так и от того, что должно было вырасти из него, от великого отвращения, от воли к Ничто, от нигилизма, этот бой полу-денного часа и великого решения, наново освобождающий волю, возвращающий земле ее цель, а человеку его надежду, этот антихрист и антинигилист, этот победитель Бога и Ничто — *он-таки придет однажды...*».

⁶³ **Мережковский Д. Л.** Толстой и Достоевский // **Мережковский Д. Л.** Толстой и Достоевский. Вечные спутники. — С. 193.

⁶⁴ Так описывают старуху в романе: «глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вред-

ная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет» (6; 54). Раскольников слышит «такие же точно мысли» (6; 55) в разговоре одного студента с молодым офицером. Тем не менее, они мыслят такое убийство только в теории: они бы никогда не осуществили эту идею в действии. Они не достаточно сильны, чтобы преступить границы.

⁶⁵ Schopenhauer A. *WWV I*. — § 60. — S. 386—387.

⁶⁶ Schopenhauer A. *WWV I*. — § 60. — S. 385.

⁶⁷ См. Шестов Л. Достоевский и Ницше: философия трагедии. Мережковский утверждает: «“Монарх” Макиавелли, “властелин” Раскольникова, “сверхчеловек” Ницше — вот опять восходящие ступени, ступени особого, обращенного не к прошлому, а к будущему, разрушительно-творческого, необузданно мятежного аристократизма, более мятежного, чем какая бы ни была демократия — аристократизма, который в политике и нравственности свойствен, по-видимому, всем донныне совершавшимся Возрождениям». (Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. — С. 196).

⁶⁸ И благодаря этой воли к власти Раскольников победил нигилизм: «Ибо пусть не ошибаются относительно смысла заглавия, приданного этому Евангелию будущего. “Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей” — в этой формуле выражено некое *противоборствующее* движение по отношению к принципу и задаче, — движение, которое когда-нибудь в будущем сменит вышесказанный совершенный нигилизм, но для которого он является *предпосылкой*, логической и психологической, которая может возникнуть исключительно *после него и из него*. Ибо почему появление нигилизма в данное время *необходимо*? Потому, что все бывшие до сих пор в ходу ценности сами находят в нем свой последний выход; потому, что нигилизм есть до конца продуманная логика наших великих ценностей и идеалов, — потому, что нам нужно сначала пережить нигилизм, чтобы убедиться в том, какова в сущности была *ценность* этих “ценностей”... Нам нужно когда-нибудь найти *новые ценности*...» (Nietzsche F. November 1887 — März 1888, KSA 13. 11 [411]. — S. 190).

⁶⁹ Как известно, *воля к власти* является переименованием отрицаемой Ницше *воли к жизни* у Шопенгауэра. Ницше берет эту идею, и вместо отрицания, подтверждает ее, причем целью является не только утверждение существования, как у Дарвина, но и власть. См. также у Достоевского (7; 155).

⁷⁰ С.В. Белов пишет: «Поэтому для Раскольникова важно не счастье людей, а вопрос: он — “избранный”, “власть имеющий”, или “тварь дрожащая”? И в этом главный аргумент Достоевского против всех идей и теорий революционного бунта насильственного ниспровержения существующего строя» (Достоевский Ф.М. «Преступление и наказание». Хрестоматия / Сост. С.В. Белов. — М., 1995. — С. 482). И Страхов, друг Достоевского, писал: «В газетах писали, что будто бы Раскольников совершает свое убийство из филантропических целей, что он оправдывает его благотворительными намерениями. Но дело вовсе не так просто» (Страхов Н.Н. Ф.М. Достоевский. «Преступление и Наказание» (1867) // Страхов Н.Н. Литературная критика. — С. 106).

⁷¹ Раскольников не хочет жить ни в прошлом, ни в будущем. «Объективации воли присуща форма настоящего, которое в качестве непротяженной точки рассекает бесконечное в обе стороны время и стоит неподвижно, как вечный полдень без прохладного вечера» (**Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 54. — S. 330). С этой точки зрения можно понять враждебное отношение Раскольникова к социалистической утопии.

⁷² **Мережковский Д.** Вечные спутники. — С. 459—460. Поэтому бунт Раскольникова — это метафизический бунт. «Эта скука — подтверждение человеком его собственного одиночества, того непоправимого одиночества, в котором человек находит себя, когда он борется с Богом и таким образом с общиной, с другими людьми; это — метафизическая скука» (**Jackson R.L.** *Philosophical Pro und Contra in Part One of Crime and Punishment // Twentieth Century Interpretations of Crime and Punishment.* — P. 47).

⁷³ «В этом отношении Соня представляет собой редкое явление настоящего последователя Христа» (**Nigg W.** а. а. О. — S. 418). П.Х. Тороп говорит даже, что можно увидеть черты Марии Магдалины в этом образе; см.: **Тороп П.Х.** Перевоплощение персонажей в романе Ф. Достоевского «Преступление и наказание» // Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в литературной науке XX века: Хрестоматия по истории русской литературы. — Сост. Т.В. Зверева и Н.А. Ремизова. — Ижевск, 1993. — С. 148—160.

⁷⁴ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 66. — S. 440—441.

⁷⁵ **Schopenhauer A.** *Preisschrift über das Fundament der Moral // а.а.О.* — §§ 16, 18, 20. — S. 210; 227, 252—257).

⁷⁶ *Ibid.* — § 16. — S. 212.

⁷⁷ *Ibid.* — § 19. — S. 245.

⁷⁸ *Ibid.* — § 20. — S. 253. «И все, что доброта, любовь и благородство делают для других, сводится к смягчению их мук, и следовательно, то, что может побуждать к добрым делам и подвигам любви, — это лишь *познание чужого страдания*, непосредственно понятого из собственного страдания и приравненного к нему. Но из этого видно, что чистая любовь (*αγάπη, caritas*) по своей природе является состраданием» (**Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 67. — S. 444).

⁷⁹ Раскольников не понимает, что Соня действительно «смогла переступить моральные законы», но она сделала это по другим причинам. Раскольников убил, чтобы *подтвердить* свою волю к власти, Соня, напротив, «переступила», *отрицая* свою волю к жизни. См.: **Chirkov N.M.**: A great philosophical Novel. — P. 65.

⁸⁰ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 67. — S. 445. И философ еще добавляет: «Тот, кто еще может плакать, непременно способен и на любовь, т. е. на сострадание к другим».

⁸¹ О Свидригайлове см. **Jernakoff N.** «Crime and Punishment»: Svidrigailov — A Character in His Own Right // Transaction of the Association of Russian-American Scholars in the U.S.A. — Vol. 14 (Dostoevsky Commemorative Volume) / Alexander P. Obolensky and Nadine Natov, eds. — New York, 1981. — P. 44—59.

⁸² **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 66. — S. 443.

⁸³ «Как пойдешь на страдание, тогда и наденешь. Придешь ко мне, я надену на тебя, помолимся и пойдем» (6; 324). «Так же, как Лазарь воскрес из мертвых, должен возрасти Раскольников от его духовной смерти» (**Lavrin J.** а.а.О. — S. 74). ««Лазарь» — по-древнееврейски «'el'azar» — значит *Бог помог*».

⁸⁴ См. также: «что он ясно понимает свое положение, не ожидает вблизи ничего лучшего, не имеет никаких легкомысленных надежд <...> К пище почти равнодушен <...> что живет он так грубо и бедно вовсе не по какому-нибудь предвзятому плану или намерению, а так просто от невнимания и наружного равнодушия к своей судьбе» (6; 415—416).

⁸⁵ Что проявляется в следующей значительной сцене:

«Ты безбожник! Ты в Бога не веруешь! — кричали ему. — Убить тебя надо.

Он никогда не говорил с ними о Боге и о вере, но они хотели убить его, как безбожника; он молчал и не возражал им. Один каторжный бросился было на него в решительном исступлении; Раскольников ожидал его спокойно и молча: бровь его не шевельнулась, ни одна черта его лица не дрогнула. Конвойный успел вовремя стать между ним и убийцей — не то пролилась бы кровь» (6; 419). Юрий Карякин пишет: «Но в действительности не за его “атеизм” они ненавидели его. Хотя они не читали его статьи и не были знакомы с его теориями о двух категориях людей, они инстинктивно чувствовали, что даже в тюрьме он поставил себя в “первой категории”, в то время как они (так же, как и Соня) были отнесены к “второй” категории — к стаду. Именно по этой причине они хотели убить его» (**Kariakin Y.** *Toward Regeneration // Twentieth Century Interpretations of Crime and Punishment.* — P. 100).

⁸⁶ **Мережковский Д.** Вечные спутники. — С. 456.

⁸⁷ «Следуя за рассуждениями Раскольникова, мы подошли к главной мысли: для ума не существует законов нравственности» (**Иванова А.** *Философские открытия Ф.М. Достоевского.* — С. 93).

⁸⁸ Ницше, который *не* читал «Преступление и наказание», написал: «Прошлая практика, чисто психологическая и религиозная, ориентировалась лишь на *изменение симптома*: она считала человека излеченным, когда он простирался перед крестом и клялся, что будет добрым человеком... Однако преступник, который с известной угрюмой суровостью твердо несет свою судьбу, а не клеветает на свой поступок после того, как он совершился, имеет *больше душевного здоровья*... Преступники, вместе с которыми Достоевский жил в остроге, все без исключения были несломленными натурами, — не являются ли они в сотни раз более ценными, чем “сокрушенный” христианин?» (**Nietzsche F.** *NF Frühjahr 1888, KSA 13, 14 [155].* — S. 338 // *W II 5.* — S. 54 (*KGW IX.8*)).

⁸⁹ «Идея революционного “бунта” Раскольникова, по мысли Достоевского, аристократическая идея, идея “избранного” — неприемлема для Сони. Только православный русский народ в лице Сони может осудить

атеистический бунт Раскольникова, заставить его подчиниться такому суду и пойти на каторгу — “страдание принять”» (Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание». Хрестоматия / Сост. С.В. Белов. — М., 1995. — С. 483).

⁹⁰ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 66. — S. 442.

⁹¹ «Человек соединяет в себе разум и душу, поэтому рациональность и нравственность не могут существовать в отрыве друг от друга, без нравственности не может быть человека» (Иванова А.А. Философские открытия Ф.М. Достоевского. — С. 95).

⁹² **Ницше Ф.** *Ессе Номо, как становятся собой // Ницше Ф.* Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Пер. с нем. В.М. Бакусева; Ред. совет: А.А. Гусейнов и др. — М., 2009. — Т. VI. — С. 359.

⁹³ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 68. — S. 452.

⁹⁴ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 71. — S. 487.

⁹⁵ Пауль Дойссен называет Шопенгауэра «philosophus christianissimus» (**Deussen P.** *Erinnerungen an Friedrich Nietzsche.* — Leipzig, 1901. — S. 104).

⁹⁶ **Schopenhauer A.** *WWV I.* — § 70. — S. 479. См. также *WWV II.* — S. 702, 723 ff.

⁹⁷ См. **Deussen P.** *Erinnerungen an Friedrich Nietzsche.* — S. 105.

⁹⁸ Шопенгауэр пишет, что *утверждение* — явление языческое, а *отрицание* — христианское (*WWV II.* — S. 697).